

## Т е р р и т о р і я .

При своемъ вступленіи на престолъ, въ 1533 году, Иванъ IV наслѣдуетъ уже значительныя владѣнія; однако, даже въ географическомъ отношеніи, они лишены были внутренней связности и единства. Повсюду въ этихъ областяхъ чувствуется боевое настроеніе; вездѣ налицо оказываются признаки насильственного захвата. Все это государство напоминаетъ безпорядочную грудку военной добычи. Вокругъ центрального пункта—то есть самой Москвы, располагаются широкими поясами ея новыя территоріальныя пріобрѣтенія. Большинство изъ этихъ земель даже не имѣетъ опредѣленныхъ очертаній; такимъ образомъ, перечисляя ихъ, приходится пользоваться чисто топографическими обозначеніями. На сѣверо-востокъ мы видимъ теперешнія Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую губерніи; на сѣверо-западъ—нынѣшнія губерніи Новгородскую и Псковскую; на западъ и юго-западъ—Москвѣ принадлежатъ область Днѣпра съ теперешней Смоленской губерніей и западная часть губерніи Калужской; сюда же относятся часть нынѣшней Черниговской и западные уѣзды Орловской и Курской губерній. На юго-востокъ разстилаются степныя пространства, южную границу которыхъ опредѣлить совершенно невозможно; сѣверная граница этой области проходитъ по 55-ой параллели—то есть соотвѣтствуетъ сѣвернымъ же границамъ губерній Калужской, Тульской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской и Симбирской. Наконецъ, на востокъ лежитъ бассейнъ Камы съ ея притоками—рѣками Вяткой, Чусовой и Бѣлой.

Нужно отмѣтить здѣсь одну любопытную особенность, которая одна уже достаточно характеризуетъ тогданнее Московское государство. Важнѣйшую часть указанной территоріи представляютъ Новгородъ и Псковъ со своими областями, другими словами, самыя недавнія и наиболѣе удаленныя отъ центра провинціи. Здѣсь сосредоточивается почти вся торговая и промышленная энергія молодого го-

сударства. Въ экономическомъ отношеніи Московская держава живетъ этими областями и даже находится отъ нихъ въ зависимости.

Впрочемъ, и здѣсь промышленность—самая убогая. Торговля идетъ нѣсколько живѣе, но все же ея обороты остаются весьма скромными. Въ этой странѣ болотъ и пустошей населеніе живетъ, по большей части, рыбной ловлей и, лишь въ исключительныхъ случаяхъ,—примитивнымъ земледѣліемъ. При такихъ условіяхъ самымъ важнымъ жизненнымъ подспорьемъ оказывается для него проходящее здѣсь товарное движеніе: оно направляется съ балтійскаго побережья во внутрь страны или идетъ оттуда въ обратную сторону. Но, во всякомъ случаѣ, на пространствѣ 282,127 квадратныхъ верстъ во всей странѣ насчитывается не болѣе 14 городовъ. При этомъ большая ихъ часть представляетъ собою лишь небольшіе укрѣпленные пункты—*острожки*; въ такихъ же областяхъ, какъ Вѣжецкая *пятина* и Олонецкія земли, на громадной территоріи въ 171,119 квадратныхъ верстъ мы не находимъ никакихъ признаковъ городской осѣдлости. Кое-гдѣ лишь разбросаны здѣсь мелкіе поселки съ небольшими рынками для ярмарочной торговли.

До самой половины XVI вѣка Новгородъ со своими 5300 населенныхъ домовъ сохраняеть первенствующее положеніе среди русскихъ городовъ, за исключеніемъ, конечно, самой Москвы. По даннымъ того же времени, въ Псковѣ—притомъ, въ предѣлахъ городскихъ стѣнъ, не считая пригородныхъ слободъ,—было около 1300 лавокъ или торговыхъ конторъ. Но повсюду тѣ же данныя отмѣчаютъ одно явленіе, которое наиболѣе характерно для жизни русскихъ городовъ XVI столѣтія. Мы говоримъ о быстромъ исчезновеніи, собственно, городского класса, иначе—буржуазіи: вездѣ его вытѣсняють и замѣняютъ собой иные,—именно, военные элементы общества. Въ Гдовѣ, напри-  
мѣръ, городской классъ уцѣлѣлъ лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь; но и здѣсь, по спискамъ 1580-1585 г. значится всего на всего 14 представителей торгово-промышленнаго класса. Несомнѣнно, такое исчезновеніе буржуазіи было прямымъ слѣдствіемъ московскаго завоеванія. Какъ извѣстно, московское правительство весьма широко практиковало массовую конфискацію имуществъ и передачу захваченныхъ предпріятій въ руки новыхъ людей, по своему выбору. Эта система быстро измѣнила всю фیزیономію покоренныхъ областей и реформировала ихъ соціальныя отношенія. Въ самомъ дѣлѣ, кто были эти новые пришельцы? Мы знаемъ ихъ, они были военными людьми. Такъ, въ

завоевательномъ движеніи и внѣшнемъ ростѣ Москвы сохранялась ея первоначальная природа... Мы уже опредѣлили ее: Москва была военной колоніей, возникшей на чужой землѣ, среди покореннаго населенія. Иначе и быть не могло. Какъ и всѣ другія области новой державы, Московское великое княжество еще представляет собой въ то время какъ бы поле битвы. Съ одной стороны, границы его недостаточно опредѣлены; съ другой—онѣ являются постояннымъ предметомъ спора. Изъ крѣпостей, защищающихъ Москву съ сѣверо-запада, Смоленскъ приобрѣтенъ лишь въ 1514 году; однако, онъ остается еще номинальнымъ центромъ враждебнаго Москвѣ литовско-польскаго воеводства. Что касается Великихъ Лукъ, то очень скоро Баторій отниметъ ихъ у Ивана IV. На сѣверо-востокъ продолжаетъ развиваться колонизаціонное движеніе: оно проникаетъ въ области, лежащія по Бѣлому морю, по Онегѣ и Сѣверной Двинѣ до самаго Урала. Но и здѣсь, въ такъ называемомъ, *Поморьѣ*, въ дѣйствительное владѣніе пришельцевъ поступаютъ лишь части морского и рѣчного побережья. Главная экономическая роль принадлежитъ здѣсь монастырямъ, которые являются не столько убѣжищемъ благочестія, сколько центрами военной оккупациі на сѣверо-восточной окраинѣ. Такъ, напримѣръ, Соловецкая обитель на Бѣломъ морѣ вмѣстѣ съ богатыми соляными варницами и рыбными ловлями содержитъ особую полицейскую стражу и даже небольшое войско. Далѣе, на востокъ, за Двиною, заселеніе области только начинается. Здѣсь рѣдко разбросаны бѣдныя рыбацкія жилища: единственнымъ центромъ этой области является ярмарочный торгъ на Мезени. За Мезенью начинается уже совершенная пустыня.

Слѣдуетъ отмѣтить еще одну любопытную особенность. Хотя Московская держава со всѣхъ сторонъ окружена была укрѣпленными пунктами, самъ городъ Москва сохранялъ свою прежнюю внѣшность—то есть напоминалъ собой временную и потому недостаточно прикрытую стоянку. Правда, *Кремль* города, т.-е. собственная крѣпость, обнесенъ былъ зубчатыми стѣнами, надъ которыми высились башни. Но внутри этой ограды находились лишь великокняжескій дворецъ, палаты нѣкоторыхъ бояръ, да нѣсколько церквей съ монастырями. Такимъ образомъ, вся жизнь столицы происходила, въ сущности, внѣ кремлевской ограды. Городъ широко раскинулъ кругомъ свои деревянные дома, лавки, рынки, каменный «гостиный дворъ», напоминающій собою базары Леванта. Вся торговая жизнь Москвы кипѣла внѣ

Кремля, въ огромныхъ посадахъ, которые были либо совершенно ничѣмъ не защищены, либо обнесены простымъ деревяннымъ тыномъ. Эти посады постепенно сливались съ окружающими полями, гдѣ воздѣланные участки земли и зеленые луга чередовались съ городскими домами или торговыми лавками. Еще шире разбрасывалась торгово-промышленная энергія столицы благодаря ея огромнымъ *слободамъ*. То были уже настоящія села, окруженные также полями, садами и рощами. Тамъ и сямъ, по сосѣдству съ ними, высились монастыри съ бѣлой оградой и золотыми куполами,—и весь этотъ не то городской, не то деревенскій пейзажъ уходилъ въ чуть видную даль, къ самой чертѣ горизонта. То была настоящая столица новаго государства, которое едва выступало на историческое поприще, неустанно стремясь черезъ темное будущее къ какимъ-то далекимъ, запредѣльнымъ цѣлямъ.

Обозначеніе областей этого новаго государства, переживавшаго еще процессъ образованія, вполне соответствовало ихъ переходному состоянію. Тогда говорили: «заокскіе, закамскіе города», при чемъ подъ словомъ «городъ» разумѣли всю территорію, подчиненную извѣстному центру. Даже центральную область, это ядро молодой державы, называли тогда *«замосковными городами»*. Нижний-Новгородъ сравнительно недавно былъ пріобрѣтенъ московскими князьями отъ такихъ же, какъ они сами, младшихъ Мономаховичей. Этотъ городъ то относился къ центральной области Московскаго государства, то, вмѣстѣ съ Арзамасомъ и Муромомъ, оказывался гдѣ-то на его периферіи. Между тѣмъ, для новой Руси, которая зарождалась на сѣверо-востокѣ, Нижний Новгородъ былъ какъ бы вторымъ Кіевомъ, только перенесеннымъ въ эти недавно пріобрѣтенныя земли. Въ самомъ дѣлѣ: мы видимъ здѣсь тѣ же удобства, ту же рѣдкую красоту географическаго положенія. Въ 1558 году, отправляясь на далекій Востокъ, англичанинъ Дженкинсъ отплывалъ изъ Нижняго съ цѣлой флотиліей своихъ галеръ: казалось, то воскресіе кіевскіе князья снаряжаютъ утlying свои ладьи для обычнаго «пути въ греки». Но московское завоеваніе разорило окрестныя области и оставило въ нихъ однѣ только груды развалинъ. Такое опустошеніе простиралось до самого бассейна Клязьмы; лишь въ старомъ Владимірѣ уцѣлѣли кое какіе остатки былаго величія. Сельское населеніе, впрочемъ, еще сидѣло на землѣ; но въ городахъ, какъ и повсюду, не оставалось рѣшительно никого, кромѣ военныхъ отрядовъ. Эта милитаризація об-

щества является подлинным знаменіем новаго, московскаго времени. Стоить отойти отъ Москвы по радіусу на какихъ-нибудь сто—сто пятьдесятъ верстъ, и вездѣ, даже въ собственно московскихъ областяхъ, мы увидимъ то же самое характерное явленіе. На указанномъ разстояніи отъ Москвы къ сѣверу тянется уже широкій поясъ, гдѣ военныя заботы какъ-бы переплетаются съ мирными занятіями населенія. Такіе города, какъ Тверь, Ржевъ, Зубцовъ и Старица, являются здѣсь стратегическими пунктами. На югѣ, по верховьямъ Москвы и по теченію Оки, города Серпуховъ, Кашира и Коломна служатъ сторожевыми постами: они охраняютъ переходъ черезъ эти рѣки въ мѣстахъ, наиболѣе угрожаемыхъ нашествію степныхъ кочевниковъ. За этой оборонительной линіей простирается опять пустыня, такъ называемое, *дикое поле*. До второй половины XVI вѣка эта область останется совершенно закрытой для колонизаціоннаго движенія.

Таковы были тѣ владѣнія, къ которымъ, вмѣстѣ съ Казанскимъ и Астраханскими царствами Иванъ IV присоединить земли, лежащія по долинамъ средней и нижней Волги, по рѣкѣ Камѣ, Вяткѣ и Каспійскому побережью. Въ будущемъ къ этой территоріи должна была примкнуть еще загадочная область Казатчины, простиравшаяся отъ Волги до рѣки Дона, до сѣвернаго теченія Донца и до самыхъ днѣпровскихъ низовьевъ. То былъ какъ бы огромный резервуаръ, куда непрерывно стекались изгнанники изъ Польши или изъ московскихъ предѣловъ. И въ томъ, и въ другомъ государствѣ одни и тѣ же законы соціально-политической жизни постоянно выбрасывали наружу извѣстные продукты общественнаго распада: то были элементы, которые не могли удержаться въ рамкахъ нормальнаго существованія благодаря дѣйствію трехъ извѣчныхъ силъ, вызывающихъ какъ созданіе, такъ и разложеніе общественныхъ союзовъ. Что это за силы? Духъ мятежа, духъ предприимчивости и духъ свободы.

Въ нашемъ распоряженіи нѣтъ никакихъ, хотя бы даже приближительныхъ данныхъ, которые помогли бы намъ опредѣлить общую численность тогдашняго московскаго населенія. Даже тѣ свѣдѣнія, которыя касаются самого города Москвы, настолько расходятся между собой, что точный выводъ изъ нихъ является совершенно невозможнымъ. Въ 1520 году въ Москвѣ числилось 41,500 домовъ; такимъ образомъ, можно предположить, что населеніе столицы составляло минимумъ 100,000 человекъ. Однако, проходить 60 лѣтъ, и

папскій легать Поссевинъ считаетъ наиболѣе вѣроятной цифрой этого населенія только 30,000. Правда, что въ этотъ промежутокъ времени Москва успѣла подвергнуться нашествію татаръ, которые разрушили ее до основанія. Но такова, вообще, была судьба большинства городовъ этого государства: война свирѣпствовала здѣсь повсюду и отъ времени до времени совершенно мѣняла фیزیономію страны.

Съ этнографической точки зрѣнія въ девяти десятияхъ этой страны имѣется лишь то количество русскаго элемента, какое успѣло тамъ осѣсть въ результатъ весьма еще молодого, сравнительно, колонизаціоннаго движенія. Въ эту пору даже не приходится «поскрести» русскаго, чтобы повсюду отыскать татарина и особенно финна. Это послѣдняя раса составляетъ вездѣ основу населенія. Завоеванія Грознаго и его преемниковъ внесли въ эту сферу государственной жизни самыя крупныя измѣненія; слѣды ихъ мы находимъ донинѣ хотя бы на извѣстной картѣ Кенпена. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ тѣхъ документальныхъ данныхъ, которыя дали бы возможность вполне точно опредѣлить роль разнородныхъ этнографическихъ элементовъ въ жизни Московскаго государства этого времени. Эта роль обозначается нѣсколько яснѣе лишь въ умственной и нравственной жизни тогдашняго общества,—о чемъ я буду говорить впослѣдствіи. Въ политическомъ отношеніи она, можно сказать, совершенно ничтожна: путемъ механическаго удаленія или же поглощенія всѣхъ чуждыхъ элементовъ, московское господство сгладило всякіе слѣды какихъ бы то ни было племенныхъ треній. Въ социальномъ отношеніи эта первоначальная пестрота этнографическаго состава не проявляется наружу по другимъ причинамъ. Изслѣдуя внутреннюю жизнь московскаго общества XVI вѣка, никто не скажетъ, что въ немъ живутъ въ мирномъ союзѣ или во враждѣ между собою два самостоятельныхъ общества—или даже больше. Почему? Здѣсь встаетъ новый вопросъ: да существуетъ ли тогда хоть одно такое цѣльное общество?